

A vertical beam of light illuminates a globe, with a green plant growing on top. The background is dark, and the globe shows a sunset or sunrise scene.

С. Весто

ПАТРИОТ ПЛАНЕТЫ

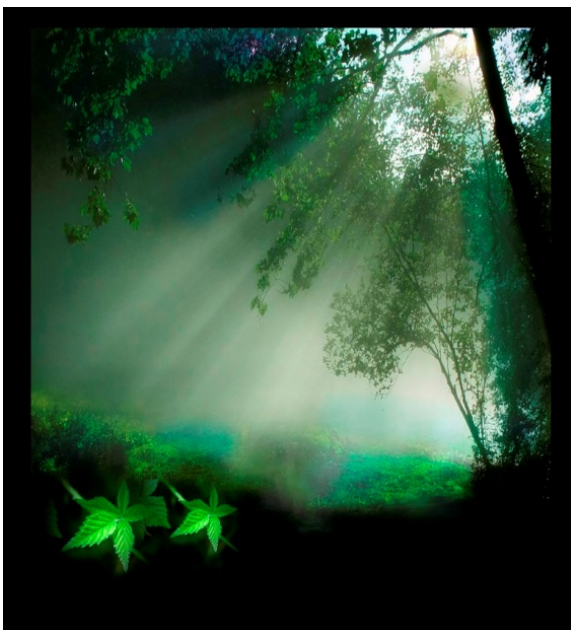
С. Весто
ПАТРИОТ ПЛАНЕТЫ

о природе лучшего

 senvesto.com

Любое использование текста, оформления книги – полностью или частично – возможно исключительно с письменного разрешения Автора. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами. *For information address: Copyright Office, the US Library of Congress.*

© **S. Vesto**, 2009
© **S. Vesto**, graphics. 2009

Ни одно заблуждение так
не страдало от истины,
как от своих последователей.

Кутта Мл.

1

Однажды в далеком-предалеком звездном скоплении жил-был большой черный волк. Все было у него хорошо и все получалось, пока в один неудачный день не попал он в капкан. Три дня и три ночи бился он за свою жизнь, призывая на помощь свою хитрость и опираясь на свой ум, - не потому, что надеялся на лучшее, а потому, что это все, что он умел: так испытывал он свое искусство оставаться в живых. Но на утро последнего дня он был так же далек от своей цели, как и на вечер первого, старое чужое железо ничего не имело против него, оно просто делало свою работу. Так начиналось утро летнего дня, и для него хотел он сохранить себя прежним.

Он придумывал решения и пути отхода, рассчитывал время и соотносил переменные, просто делая, что делал всегда, пока не устал и не решил отдохнуть. Это был матерый и терпеливый волк, он продолжал бы и дальше, и даже голод трех дней значил для него не много, но без воды долго продержаться не под силу было даже ему. Он был из тех волков, кто умел трезво смотреть на вещи и обходиться малым, и он знал, что скоро умрет. Кости лапы были раздроблены, и даже если бы ему почему-то удалось отсюда уйти, жить бы ему оставалось недолго. Потому, все взвесив, стараясь лишний раз не беспокоить зажатый в железных зубьях сустав и не нарушать внутреннего порядка вещей и явлений, он, насколько получилось, удобно и осторожно положил морду меж лап, прикрыл глаза и стал ждать.

Пробирался через тот же Лес по своим делам один Хомяк, точно знающий свое место в жизни; он понял, что на полянке не один, еще до того, как увидел в траве капкан и большого волка, чутье на такие вещи было у него лучше других, но он не сразу понял, что там лежал именно Черный Волк. А когда понял, было уже поздно. Хомяк умел говорить мало, и он умел говорить прямо, не навязывать себя, не стоять над душой, не преувеличивать и не обобщать, когда обобщать было нечего. Единственное, чего он не умел, это не выражать свое сомнение. Все получалось у него в жизни, чего он хотел, а что у него не получалось, того он и не хотел. Достигнув к светлой осени своей тихой жизни понимания всего, он расположил рядом запас продуктов, что нес на себе, сел и стал с упреком смотреть на Черного Волка.

- Знаете, в чем ваша проблема? – спросил он.

Черный Волк усмехнулся.

- Еще нет, но, видимо, сейчас узнаю.

Хомяк смотрел долгим взглядом в равнодушные мертвые глаза матерого хищника, даже не пытаясь донести до них то, что он сейчас чувствовал, в этом уже не виделось смысла.

Черный Волк без особого удовольствия наблюдал, как Хомяк наблюдал за ним, сидя и ожидая. У Хомяка тоже имелись свои прерогативы, и это была одна из них.

- Вы слишком много имеете. – Хомяк помолчал, давая понять, насколько высокое значение он придает сказанному. – У вас слишком много всего, слишком вас любят звезды. Вы чересчур много знаете обо всем, даже ничего не зная об этом. – Хомяк помолчал снова. – У вас какой-то настолько другой принцип организации, что вашего здоровья хватило бы на сотню нормальных хомяков средней комплекции. У вас столько стремительности в повадках, что обычные нормальные существа понимают это, только когда уже поздно. В вас столько холодной расчетливости, что даже мне не под силу до конца уловить ее логику. В вас столько непонятностей, что в других это рано или поздно возбуждает желание укоротить вам жизнь. У вас столько амбиций, что иногда просто не знаешь, на что еще надеяться и где можно укрыться. В вас столько желаний жить, что это создает проблемы вам самим. В вас столько жестокости, что вы даже свою судьбу... - с в о ю с у д ь б у - решаете сами. Вот вы лежите, смотрите и в вас столько наглой, жестокой надменности аристократа, что любой, пытающийся в меру своего ума пройти вашей тропой, рано или поздно попадает в глупое положение. В вас столько невыносимой, звериной, ледяной заносчивости, что даже огромные расстояния, нас разделяющие, не кажутся основанием достаточным, чтобы питать к вам благодушие. В вас столько удачливости, что ловушки на ваших путях в виде избыточной меры воздействия видятся только данью уважения справедливости. В вас столько невыносимой искренности хищника, что всему миру остается только учиться искусству изворотливости, закрывать глаза и почтительно склонять головы. В вас столько насмешливости, злобы и чистоты, что это убивает даже то небольшое из теплого, что еще можно было к вам испытывать. В вас столько животной готовности откровенно смеяться над обстоятельствами, что удел остальных – только мертвая серьезность. Наконец, в вас столько бесстыдства и спокойствия, что уже перестаешь понимать, что есть добро – и есть ли оно где-нибудь...

Приведя обширный список обвинений (Черный Волк давно лежал, вновь прикрыв глаза), Хомяк покачал головой. Потом он помолчал, еще

где-то в глубине своего сердца надеясь на какой-то контакт и на какое-то понимание.

- Вам есть что привести в свое оправдание?

Волк, не раскрывая глаз, не без усилия размыкая непослушные губы, произнес, усмехнувшись:

- Это становится интересным. Я тут лежу, а вы, пользуясь моим положением, начинаете меня грузить вашим вздором. Вам не кажется, что время для слушаний выбрано не совсем удачно?

Хомяк в некотором недоумении приподнял брови.

- А что делать? Вы полагаете, это можно будет сделать в какое-то другое время? – заметил он довольно резонно. – Итак, слушание по вашему делу объявляется открытым. Если я хоть в чем-то пойду против истины, небо мне будет свидетелем.

Волк через силу спросил, не раскрывая глаз:

- А кто у вас будет товарищем секретаря?

Хомяк с неодобрением раскладывал рядом большие семечки, устраиваясь удобнее, всерьез и надолго.

- Лес, - коротко ответил он. Его трудно было пробить сарказмом. – Пойдем по порядку. Если нет отводов и других предложений.

Хомяк в раздумье глядел на густые заросли папоротника, разглядывая торчавшие сразу за ним из травы коренастые липкие шляпки грибов.

- Вы не помните, что у нас шло по порядку?

Волк выглядел спавшим. Хомяк задумчиво ерзал.

- Что-то про здоровье, - ответил Волк после долгого молчания.

- Правильно, - согласился Жирный Хомяк. – Сотня несчастных хомяков, обделенных крепким здоровьем. Видит небо: будь у меня на руках даже список самых тяжких преступлений против человечности, я не сумел бы выбрать более тяжкого.

ГОСПОДЬ БОГ. Я все слышу. Список наиболее тяжких преступлений может быть представлен вам в развернутом виде прямо сейчас, это нетрудно сделать. Только вряд ли он сильно ограничит ваше красноречие.

- Оно у нас неисчерпаемо, - охотно согласился Хомяк. – Но не будем отвлекаться. Я предлагаю непредвзято ознакомиться с точкой зрения и версией событий каждой из заинтересованных сторон. Мы вас внимательно слушаем.

Он приглашающе кивнул Черному Волку, Волк лежал, словно не слыша.

Жирный Хомяк терпеливо ждал.

- Начните с самого главного, - ободряюще произнес он. – Может быть, у вас по ходу возникли какие-то вопросы...

Черный Волк осторожно облизал пересохшие губы.

- Может, вы поможете мне выбраться? – спросил он без всякого интереса.

Жирный Хомяк в заметном разочаровании помолчал, потом покачал головой.

- Я патриот планеты, - ответил он с сожалением. – Я не могу этого сделать.

Волк закрыл глаза.

Хомяк вздохнул.

- А работать кто будет? Двигаться дальше? – Он смахнул с внешней стороны ладони случайно упавшую шелуху. – Давайте: вы выберетесь, я выберусь, он выберется. И к чему мы тогда придем? А прийти мы к чему-то должны, чтобы не останавливаться, двигаться дальше. Я бы сказал, что у нас с вами много работы.

- Впрочем, у вас будет один такой шанс спасти себя, - добавил он потом, помедлив. - И я думаю, что с чистой совестью смогу вам его дать.

Волк словно окончательно погрузился в глубокий крепкий сон.

- Но для этого вам придется еще очень много над собой поработать, приложить все усилия. Вам нужно постараться изменить себя и свое отношение к окружающему миру. Здесь не надо впадать в крайности, раньше времени предаваться отчаянию, но вам еще только предстоит вырасти в наших глазах. Путь этот не близок и дается он нелегко и не всем, но, я думаю, у вас все получится. Вы всерьез можете рассчитывать на нашу самую дружескую поддержку и наше искреннее участие. Это как раз то, зачем мы здесь.

ГОСПОДЬ БОГ. Может, он отключился уже?

Хомяк, вытянув короткую шею, с безопасного расстояния пытался на глаз определить, так ли это.

- Вы у меня спрашиваете? - спросил он. - Я думал, вам лучше знать. Не похоже, - добавил он потом без большой уверенности. - Я знаю этих хищников, он еще всех нас переживет.

Господь Бог в задумчивом настроении ожидал продолжения.

- Не богохульствуйте, - попросил он.

- Не буду, - пообещал Хомяк.

Он вздохнул.

- Только чтобы мероприятие не превратилось в надгробное слово, - предупредил Господь Бог.

- Сам не хочу, - ответил Хомяк озабоченно. - Пусть он живет долго и счастливо.

Хомяк утомленным движением прикрыл глаза пальцами, подбирая близкие сердцу значения. В Лесу он считался, и, пожалуй, не без оснований, крупнейшим экспертом по части нравственных категорий.

- Брат мой, - произнес он, отнимая пальцы от глаз. Господь Бог приготовился слушать. - Что есть добро? Многие мыслители прошлого и современности не раз, не два и не три задавали себе этот основополагающий вопрос мироздания. Чем доброе лучше злого, и если оно лучше, то почему его так мало? Разве не было бы лучше, если бы его было много? А, может быть, его не так уж и мало или, может, мы не так смотрим? Или смотрим так, но не туда? Возможно так же, оно вовсе не так уж и лучше того, что принято называть злым, а та присущая модальность качества, закрепленная за ним традициями и тысячелетиями, есть просто результат инерции границ мышления размером в несколько десятков тысячелетий? А если зло не так уж многим отличается от добра, то в чем тогда такая очевидная привлекательность одного и устойчиво негативная оценка другого? И если вопрос принципиального отличия Зла, злого начала в аспекте вводных феноменологии имеет под собой основания в смысле законов построения логики, но не имеет прикладного аспекта, то на чем же, говорю я, основаны в таком случае все войны истории против Зла и все реки крови истории во имя Добра? Все это не праздные вопросы...

Хомяк помедлил, опуская лицо, в раздумье умывая ладони и примериваясь к новой мысли с красной строки.

- Это надолго? - спросил Господь Бог.

Хомяк с недоумением поднял глаза.

- А вы что, куда-то торопитесь?

- Да не то чтобы торопимся, но просто хотелось бы хотя бы в общих чертах составить себе, что нас ждет, как-то соразмерить свои силы. На случай если что.

- На случай если что я окажу вам свое самое искреннее участие. На чем мы остановились?

- Мы как раз только начинали.

- Тема доброго и злого начал в традиции эволюции культур. Да, правильно.

Господь прервал его:

- Позвольте сделать небольшое уточнение по ходу дела: если я правильно понял, в качестве злого начала у нас будет – понятно, кто. А кто тогда будет за начало доброе?

- Давайте не будем забегать вперед, - предложил Хомяк.

- Давайте, - сказал Господь. – Но мы будем потом иметь возможность с ним познакомиться?

- Несомненно.

- Тогда не будем терять времени.

/.../

Купить книгу С. Весто. ПАТРИОТ ПЛАНЕТЫ:

Печатная книга по технологии книга по требованию (без посредников)

senvesto.com